Николаева Екатерина Валерьевна

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ

Проанализировав траектории политического развития современных модернизирующихся государств, автор приходит к выводу о необходимой попытке объяснения причин продолжения модернизационного процесса на международном и национальном уровнях. В статье рассмотрены политические и методологические предпосылки формирования теории модернизации, определяющие в современных условиях особенности ее влияния на процессы модернизации в целом. Результаты исследования раскрывают причины сохранения доминирующего положения теории модернизации при анализе современных трансформационных процессов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-3/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 149-152. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 327

Проанализировав траектории политического развития современных модернизирующихся государств, автор приходит к выводу о необходимой попытке объяснения причин продолжения модернизационного процесса на международном и национальном уровнях. В статье рассмотрены политические и методологические предпосылки формирования теории модернизации, определяющие в современных условиях особенности ее влияния на процессы модернизации в целом. Результаты исследования раскрывают причины сохранения доминирующего положения теории модернизации при анализе современных трансформационных процессов.

Ключевые слова и фразы: теория модернизации; дискурс модернизации; политико-философская форма модерна; дефектность процесса модернизации; гносеологическая универсальность; референтный источник модернизации.

Екатерина Валерьевна Николаева
Кафедра прикладной политологии
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
imag51@rambler.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ©

С позиции исторического времени модернизация на протяжении полувека остается главной характеристикой мировой динамики. За этот период сложились, объединяя мнения ведущих теоретиков, устойчивые свойства «неопределенности» у Л. Даймонда, «множественности» у Ш. Эйзенштадта, «альтернативности» у Р. Гринштейна, «конфликтности» у Ш. Рандерии, «асинхронности» у А. Мельвиля модернизационного процесса. Политическая карта показывает пространство Модерна с приставками пост-, нео-, контр-, анти-, которое не только не останавливает расширение своей коммуникации и географии, но и продолжает актуализацию в постсоветских (Россия, Украина, Грузия), ближневосточных (Ирак) и африканских (Египет, Ливия) регионах, несмотря на дефектность процесса модернизации, в терминологии В. Меркель и А. Круассана.

Таким образом, в качестве политической ангажированности дискурс модернизации преодолевает границы эмпирического кризиса и продолжает подтверждать предложенный Ю. Хабермасом статус «незаконченного проекта» [12].

Сохраняющаяся тенденция ставит вопрос о причинах, способствующих не только поддержанию научного поля исследования проблем модернизации, но и консервации политической инерционности модернизационного процесса. Объяснение подобной направленности можно найти, обратившись к рассмотрению имманентных политических и методологических особенностей содержания и формирования теории модернизации.

Окончание Второй мировой войны определило необходимость цивилизационного восстановления и самоопределения перед Европой и Северной Америкой и открыло период их реконсолидации. Сложившийся контекст постимперской обстановки изменил восприятие мирового политического пространства. На фоне деколонизации ключевым моментом во внешней политике стало развитие центров международного влияния вне Европы и их смещение в США и СССР.

По мнению историка С. Блэка, европейское общество ощутило предел территории, возможностей, перспектив, что вызвало глубокий кризис идентичности и чувство неуверенности. Годы после войны он описывает как период, когда Европа оказалась разделенной на два блока в условиях социального разочарования, экономического кризиса и политической несостоятельности, что создало возможность для расширения североамериканского присутствия и тенденции «американизации» Европы [24, p. 59].

Начало мощного экономического роста в Соединенных Штатах совпало политически с полевением Европейских правительств и активизацией освободительных движений в Африканском и Азиатском регионах. Победивший Советский Союз располагал готовой теорией развития и тем самым апробированным на собственном опыте набором практик и институтов для быстрого перенесения в зоны влияния. Такой геополитический и идеологический вызов для США в виде прецедента деколонизации и существования международной социалистической альтернативы вызвал необходимость пересмотра внешнеполитической стратегии. В основу нового курса было заложено решение, которое непосредственно опиралось на концепции, возникшие в конечной фазе Второй мировой войны. Надежда на демократический идеализм, подорванный фашистским, национал-социалистическим, коммунистическими движениями, сменилась, как подчеркнул Ч. Болен, дипломат-эксперт по советской проблематике, реальностью разделения мира на два блока. Это привело к замене универсалистской концепции мира на частную – консолидировать и интегрировать Западный мир [4, с. 100].

Объяснения взаимодействия в реалистической (и неореалистической) традиции были сформулированы в классических трудах Р. Арона, К. Уолтца, Р. Нибуа, Н. Спайкмена, Г. Моргентау, Д. Кеннана, Г. Киссенджера и др. Центральным для них является акцент на идее того, что механизм взаимодействий определяется соотношением потенциалов основных участников международной системы – государств. Изначальные представления

© Николаева Е. В., 2012

о том, что стабильный мир должен включать развитие остальных стран в духе идеализма [6, с. 381], перешли в статус основных целей, но уже исходя из разграничения сфер влияния согласно реализму.

В послевоенной обстановке геополитического вакуума, как ее охарактеризовал Г. Киссинджер [Там же, с. 379], рузвельтовская концепция «четырех полицейских» оказалась несостоятельной в силу разности целей и возможностей предполагаемых партнеров и была заменена системой коалиций.

Последовавший комплекс мер: Декларация прав и свобод 1948 г., как нормативная основа нового курса, Доктрина Трумэна, которая четко обозначила обязанность выбора между демократической и коммунистической системой, План Маршала, как экономическое продолжение выбранной линии, создание союза НАТО, - позволил создать собственную внутреннюю организацию, нацеленную на сдерживание советской системы в строго определенных идеологических и институциональных границах.

Международная политика, соглашаясь с Дж. Модельски, вступила в постзападный период, что дало возможность США осознать политически свою целостность и перенять от Европы имманентную дискурсивность империи и, говоря языком А. Вебера, языческое «стремление к движению» [2, с. 171].

Историческое время с его геополитическими, экономическими, культурными аспектами новой обстановки обусловили необходимость для Западной Европы и Северной Америки теоретически и практически определить свои взаимоотношения с внешним не западным миром, так как применяемая Западом экстенсивная модель развития, т.е. колонизация, исчерпала свои возможности.

Она оказалась лишенной резерва новых зон для освоения, по замечанию российского исследователя М. Ильина [5, с. 121]. Иранский исследователь С. Амин радикально охарактеризовал целенаправленность американского потенциала в условиях биполярного порядка, выделив в качестве преимуществ-ресурсов следующие: контроль над природными богатствами мира, военная монополия и значение англо-саксонской культуры [1]. В сочетании со спецификой политической задачи это привело к повороту от колониализма к неоколониализму, т.е. от теории вестернизации (в разработке Лауэ [20]) к теории модернизации, которая морфологически заимствовала геополитическую и философскую ментальность Модерна.

Подобный переход потребовал необходимое научное сопровождение политической консервативной линии. Американский политолог Г. Алмонд отметил, что появление новых наций вызвало изменение направления знания в Северной Америке.

Начиная с середины 50-х годов, было предпринято широкое финансирование исследований политического и экономического развития «Третьего мира». Эти исследования, по словам норвежского политолога С. Роккана, повлекли за собой усилия, направленные на создание целостной теории. Таким образом, в 1950 — начале 1960-х гг. различные аналитические течения и теоретические традиции западной социологии объединились в единую междисциплинарную компаративную теорию. В основу содержания теории модернизации был заложен системный подход Истона-Алмонда и структурализм Т. Парсонса, на основе которых аккумулировались различные виды знания. Центральным объектом исследования становится понятие «изменение», которое позволило рассматривать трансформации социальных структур, практик, возникновение новых или обеспечение функционирования прежних групп, форм взаимодействия и поведения [14, с. 146]. Американский экономист и социолог Д. Медоуз увидел, что концепция развития перешла к идее стадиальной эволюции и от нее к пониманию развития как общего социального процесса.

По замечанию С. Хантингтона, политическая наука исторически сложилась в условиях стабильных политических систем Северной Америки и Западной Европы, где радикальные изменения рассматривались как временные отклонения [19, p. 284]. В этом плане основным инструментом исследования в американской политологии являлась теория государства, которая в свою очередь, основываясь на институциональной методологии, была ориентирована исключительно на изучение форм распределения власти, конституционной и законодательной практики, функционирование институтов демократии.

На этапе бихевиоризма политическая наука рассматривала политику как зависимую переменную от психологических и социальных, экономических факторов (Ч. Мэриам, Г. Лассуэл, Д. Трумен и др.), что отделяло политическое исследование от включения в анализ исторического фактора. Следовательно, пишет С. Хантингтон, социальные изменения, изменения личности и экономические изменения рассматривались как более фундаментальные, чем политические изменения [18, p. 284].

В терминологии Т. Парсонса политические изменения анализировались в системе, но не как изменение систем. Образование новых наций переориентировало знание на выработку новых концепций, которые должны были объяснить уже изменения не западного мира. Согласно Г. Экстейну, историческая логика вызвала переход компаративной науки к девелопментализму – новому этапу, который зафиксировал преобладающую характеристику компаративных разработок 1960-1970 гг.: понимание истории как развития. С. Хантингтон уточняет, что политическое изменение начинает ассоциироваться с прогрессом, прогресс — с политическим развитием, развитие — с процессом модернизации [Ibidem, p. 386].

Существующие на тот момент теоретические традиции, как цивилизационная и формационная, не располагали категориями качественной и количественной оценки изменения или развития макрообъектов. Возможности данных подходов позволяли применить их инструментарий в анализе только фундаментальных для них, но в исследовательском смысле ограниченных сегментов изменений.

Согласно замечанию историка И. Ковальченко, формационный подход не выделял надстроечные элементы культуры, политики в качестве отдельных предметов анализа, не смотря на подчеркивание их влияния на базисную часть. Тем самым, состояние этих компонентов не включалось в число признаков, на основе

которых выделялись формации. Цивилизационный подход, для которого центральной стала категория культуры и доминирующее представление о цивилизации как локальной социокультурной системе, также не позволял определить исходные принципы и конкретно-содержательные критерии, которые могли бы объективно выделить общие стадии в развитии цивилизаций [7, с. 77-88, 80-81].

Ситуация практической необходимости будущего развития новых государств не укладывалась в объяснительные рамки периодизации ни одного из данных подходов, которые не предполагали дискретность или остановку в выборе политической организации государства, в качестве самостоятельного института. Поэтому проблема направленности развития государственных единиц заняла ключевое место в теоретической дискуссии во второй половине XX века. Она нацелила исследователей, специализирующихся в сфере компаративной теории, на изучение одного из кардинальных свойств развития – прогресса – и активизировала разработку вопросов о смене направлений и форм исторических изменений.

Эти тенденции, по мнению Г. Экстейна, утвердили предположение о системном понимании политического развития, когда в научном познании политического начинают учитываться уровни организации системы или ступени прогрессивного развития [10]. Таким образом, через термин политического развития в научный дискурс была включена проблема критериев прогресса.

Главным критерием становится способность системы к накоплению и развертыванию новых возможностей. Изменения общества видятся направленными — от примитивных к развитым формам, от простых к сложным состояниям, как строго линейные, следующие по единому, заранее установленному образцу, что опирается на наследие эволюционизма.

Следовательно, данная логическая схема давала возможность ответить на вопросы о критериях прогресса и направлении развития системы. Политическое развитие, как считают Г. Алмонд и Л. Пай, это ответ политической системы на изменение государственного устройства.

Такая позиция ссылалась на веберовскую рациональную антропологию, которая сформировалась, пройдя через войну всех против всех к разумному состоянию у Т. Гоббса, три стадии в развитии человечества у О. Конта, от «общности» к «обществу» у Ф. Тенниса, от «механической» к «органической солидарности» у Э. Дюркгейма, «бессвязной однородности в состояние определенной связной разнородности» у Г. Спенсера, «социальную дифференциацию» у Т. Парсонса. Дихотомия «рационального» и «традиционного», обоснованная М. Вебером, позволила ему выстроить определенную иерархию рациональностей различных обществ.

Таким образом, рациональность оказалась наделена оценочным свойством, что нивелировало ее исторические границы и определило следствием стратегии модернизации.

Продолжая данную логику, А. Кросби пишет, что пространственные блоки делятся, каждому из них приписываются атрибуты относительно идеализированного опыта одного из блоков [15, p. 106]. Такой способ презентации ментальности Модерна и создает заложенную в теорию модернизации бинарную географию. Стадиальные программы модернизации от аграрного к индустриальному обществу С. Кузнеца, У. Ростоу, Э. Тоффлера подтверждают устойчивость этой позиции.

Объединяющим принципов всех программ по модернизации являлось достижение состояния современного общества. В 1959 году Эдвард Шизл выразил общую социологическую позицию, объявив о том, что «модерн означает быть западным» [17, p. 2].

Тем самым можно отметить, что за основание теории модернизации была взята политико-философская форма эпохи Модерна, т.е., согласно Ш. Эйзенштадту и Р. Бендиксу, форма социальных, экономических и политических систем, которые сложились в Западной Европе и Северной Америке между XVII и XIX веками, а зародились в английской индустриальной и политической французской революциях. Как продолжает В. Мур, «модернизация является тотальной трансформацией традиционного домодернистского общества в такую социальную организацию, которая характерна для «продвинутых», экономически процветающих и в политическом плане относительно стабильных наций Запада» [22, p. 8].

Теория модернизации заложила новую социологическую традицию осмысления развития, которая вводила новые параметры, способные показать достигнутые экономические, социальные, политические успехи промышленного роста, урбанизации, индустриализации, гражданского общества, демократии для не западных обществ. Это позволило уйти от дискурса кризиса, развернутого через категории упадка и неизбежной гибели Европы у О. Шпенглера, духовного кризиса у А. Тоинби, Т. Лессинга, И. Хейзинга, бегства от свободы у Э. Фромма, одномерности у Маркузе, коммерциализации культуры у М. Хоркхаймера и Т. Адорно, спад капитализма у К. Маркса.

Нормативный и политический предмет Модерна превратился в политический инструмент. Американский консерватизм, заимствовавший опыт европейской колониальной политики, в биполярных условиях вызвал преобразование новых, по словам М. Ильина, «включенных в государственные рамки немодернизированных периферий» [5, с. 121] в свою интегральную составляющую. Пространство политического реализма позволило превратить исторический Модерн в термин и перевести его содержание в международную практику через развитие экономических программ модернизации появившихся государств.

Таким образом, проведенный обзор позволяет сделать вывод о том, что содержание теории модернизации определяется дискурсивным свойством политической, философской и методологической целесообразности.

Политическая функция теории выражает продуктивность имперского мышления и в этом смысле универсальна. В настоящих условиях она обеспечивает не только интерпретацию собственной, американо-европейской интеллектуальной и институциональной традиции, но и выполняет задачу позиционирования в геополитическом пространстве идеализированного философского смысла модернизации.

На этом основании мы видим зависимость распространения дискурса модернизации от политической целенаправленности его референтного источника.

Методологическая функция раскрывается в значении теории модернизации как доминирующей теории системного анализа развития макрообъектов. Исследователи продолжают ее применение при рассмотрении современных трансформационных процессов, так как оппонирующие теории модернизации неомарксистские и постмодернистские подходы в своей логике обладают общей методологической уязвимостью: они не продуцируют альтернативные теории развития, так как развиваются на базе протеста существующей теории модернизации.

Следовательно, теория модернизации продолжает претендовать на гносеологическую универсальность не только на основе субъективной политической ориентации, но и за счет сложившейся, признанной и безальтернативной на сегодняшний момент философской, методологической традиции, несмотря на ее кризисное состояние.

Список литературы

1. **Амин С.** Американский империализм. Европа и Ближний Восток [Электронный ресурс]. URL: http://left.ru/2005/2/amin119.phtml (дата обращения: 16.02.2011).
2. **Вебер А.** Избранное: кризис европейской культуры. СПб.: Унив. кн., 1999. 565 с.
3. **Даймонд Л.** Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. 1999. № 1.
4. **Ди Нольфо Э.** История международных отношений 1918-1999: в 2-х т. М.: Логос, 2003. Т. 2. 744 с.
5. **Ильин М.** Старые и новые политики мирового развития: параметры сосуществования // Космополис. 2003. № 3 (5). С. 116-132.
6. **Киссинджер Г.** Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
7. **Ковальченко И.** Многомерность исторического развития // Свободная мысль. 1995. № 10.
8. **Мельвиль А. Ю.** Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации // Современные международные отношения и мировая политика: учебник для вузов / отв. ред. А. В. Торкунов; МГИМО(У) МИД России. М.: Просвещение, 2004. С. 106-142.
9. **Меркель В., Круассан А.** Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // Полис. 2002. № 1.
10. **Мусиенко Т. В.** Современная компаративная политическая теория: системный анализ Г. Экстейна [Электронный ресурс]. URL: http://credonew.ru/content/view/262/54/ (дата обращения: 20.02.2011).
11. **Старостин Б. С.** Социальное обновление: схемы и реальность: крит. анализ буржуаз. концепций модернизации развивающихся стран. М.: Политиздат, 1981. 183 с.
12. **Хабермас Ю.** Расколотый запад. М.: Весь мир, 2008. 192 с.
13. **Цапф В.** Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. 1998. № 8. С. 14-26.
14. **Экономическая история**: обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2002. Вып. 8. 176 с.
15. **Crosby A.** The Measure of Reality. N. Y.: Cambridge University Press, 1997.
16. **Eisenstadt S. N.** Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1966.
17. **Gilman N.** Mandarins of the Future: Modernization Theory in Cold War America. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2003.
18. **Huntington S. P.** Political Development and Political Decay // World Politics. 1965. Vol. XVII.
19. **Huntington S. P.** The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Politics. 1971. Vol. 3. № 3.
20. **Laue Th. von.** The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective. N. Y., 1987.
21. **Modelski G.** From Leadership to Organization: the Evolution of Global Politics // Journal of World Systems Research. 1995. Vol. 1. № 7.
22. **Moore W. E.** Social Change. New Jersey: Prentice Hall, 1964.
23. **Political Science in History: Research Programs and Political Traditions** / J. Farr et al. N. Y.: Cambridge University Press, 1995.
24. **Rebirth: a Political History of Europe since World War II** / C. Black et al. Boulder, CO: Westview Press, 2000.
25. **State and Society**: a Reader in Comparative Political Sociology / R. Bendix et al. Berkeley: University of California Press, 1973.
26. **XVI World Congress of Sociology**: abstracts. Durban, South Africa: Guide to Discovery, 2006.

POLITICAL AND METHODOLOGICAL FEATURES OF MODERNIZATION THEORY FORMATION IN THE CONTEXT OF ITS MODERN RECEPTION

Ekaterina Valer'evna Nikolaeva
Department of Applied Political Science
Nizhnii Novgorod State University named after N. I. Lobachevskii
imag51@rambler.ru

The author analyzes the trajectories of present-day modernizing states political development, makes the conclusion about the necessary attempt to explain the reasons of modernization process continuation at international and national levels, considers the political and methodological preconditions of modernization theory determining the features of its influence on modernization processes in general under current conditions; and shows that the study results reveal the reasons of the persistence of modernization theory dominant position in the analysis of the present-day processes of transformation.

Key words and phrases: modernization theory; discourse of modernization; political-philosophical form of Art Nouveau; modernization process defectiveness; gnoseological universality; referential source of modernization.